

Е.П. Блаватская

НАУКА ЖИЗНИ

Что такое жизнь? Сотни наиболее глубоких философов, множество ученых и опытных врачей задавало себе этот вопрос, но практически безрезультатно. Покрывало, которым окутан предвечный космос и таинственное зарождение жизни, никогда не было приподнято так, чтобы это удовлетворило серьезную и искреннюю науку. Чем больше люди официального знания пытались проникнуть сквозь его темные складки, тем сильнее сгущалась эта тьма, и тем меньше они видели, ибо они подобны искателю сокровищ, который странствовал по всем морям в поисках того, что было зарыто в его собственном саду.

Но что же такое тогда эта наука? Не биология ли это, или, быть может, это изучение жизни в более широком смысле? Нет. Может это физиология или наука об органических функциях? Тоже нет; ибо первая из них оставляет эту проблему, как трудную загадку Сфинкса; а последняя — это скорее наука о смерти, чем о жизни. Физиология основывается на изучении функций различных органов, и эти органы необходимы для проявления жизни, но то, что эта наука называет живой материей, является, на самом деле, *материей мертвой*. Каждая молекула живых органов содержит в себе зачаток смерти, и начинает умирать, как только рождается, чтобы та молекула, которая будет ее преемником, смогла жить лишь для того, чтобы в свою очередь умереть. Орган, естественная часть любого живого существа, является лишь средой для некой особой функции в течение жизни и комбинацией из таких молекул. Жизненный орган (как и весь организм) надевает на себя маску жизни и таким образом скрывает постоянное разложение и смерть своих частей. Поэтому ни биология, ни физиология не являются наукой и даже отраслями *науки жизни*, но суть лишь науки о *видимости* жизни. В то время как истинная философия стоит подобно Эдипу перед Сфинксом жизни, едва осмеливаясь произнести тот парадокс, который содержится в ответе на предложенную загадку, материалистическая наука, самонадеянная, как и всегда, никогда ни на одно мгновение не сомневаясь в своей собственной мудрости, гипнотизирует саму себя и многих других, заставляя поверить в то, что она разрешила величественную тайну бытия. Однако, в действительности, приблизилась ли она хотя бы к ее порогу? Конечно, она никогда не сможет содействовать распространению истины, пытаясь ввести себя и других неосторожных людей в заблуждение и утверждая, что жизнь — это всего лишь результат сложного сочетания молекул. Разве витальная сила и на самом деле является "фантомом", как ее называет Дюбуа Реймон? Ибо его язвительное замечание, что "жизнь", как нечто независимое, это лишь *asylum ignorantiae* [убежище невежд] для тех, кто хочет найти себе приют в абстракциях, когда прямое объяснение невозможно, с много большим основанием подходит к тем материалистам, которые мешают людям видеть реальные факты, помещая в этом месте напыщенные и труднопроизносимые слова. Разве какое-нибудь из пяти подразделений жизни, столь претенциозно названных — архебиозис, биокрозис, биодизрезис, биокенозис и биопародозис,¹ помогли когда-либо Гексли или Геккелю полнее изучить тайну зарождения хотя бы простейшего муравья, — не говоря уж о человеке? Совершенно несомненно — нет. Ибо жизнь и все, что к ней относится, принадлежит к законному владению *метафизика* и психолога, а физическая наука не может иметь никаких претензий на все это. "То, что было, это то, что будет; и то, что было, уже названо — и известно, что это ЧЕЛОВЕК", — таков ответ на загадку Сфинкса. Но "человек" в данном случае не имеет отношения к *физическому* человеку, — во всяком случае, не в его эзотерическом значении. Скальпели и микроскопы могут раскрыть тайну материальных частей *оболочки человека*: они никогда не смогут прорезать окно в его

душу, чтобы открыть хотя бы малейшее пространство на любом из более обширных горизонтов бытия.

И только те мыслители, которые, следуя дельфийским предписаниям, познавали жизнь в своих *внутренних* личностях, те, кто тщательным образом изучил ее в самих себе, прежде чем попытаться проследить ее и проанализировать ее отражения в своих более внешних оболочках, были вознаграждены некоторым успехом. Подобно огненным философам средневековья, они перепрыгивали через *видимости* света и огня в мире следствий и сконцентрировали все свое внимание на обретении тайных сил. Затем, прослеживая их до единственной абстрактной причины, они попытались постигнуть ТАЙНУ, каждый из них настолько, насколько это позволяли сделать его интеллектуальные способности. Таким образом, они установили, что 1) *кажущийся* живым механизм, называемый физическим человеком, это лишь топливо, материал, которым питается жизнь, чтобы проявить себя; и 2) что благодаря ему внутренний человек получает в качестве платы и вознаграждения возможность накапливать добавочные переживания земных иллюзий, называемых жизнями.

Одним из таких философов сегодня безусловно является великий русский романист и реформатор, граф Лев Николаевич Толстой. Сколь близки его взгляды к эзотерическим и философским учениям высшей теософии мы увидим, внимательно ознакомившись с некоторыми фрагментами из лекции, почитанной им в Москве перед местным Психологическим обществом.

Обсуждая проблему жизни, граф просит свою аудиторию признать в качестве аргумента *нечто невозможное*. Он говорит:

"Допустим на одно мгновение, что все то, что стремится узнать о жизни современная наука, она уже узнала и знает это сегодня, что эта проблема стала столь же ясна, как день; теперь вполне очевидно, как органическая материя при помощи простой адаптации смогла произойти из неорганической материи; так же ясно, как природные силы могут быть преобразованы в чувства, волю, мысль, и что в конце концов все это известно не только городскому студенту, но также и каждому сельскому школяру.

Далее, мне известно, что такие-то и такие-то мысли и чувства происходят из таких-то и таких-то движений. Хорошо, но что же дальше? Могу ли я, или же нет, произвести такие движения и управлять ими ради того, чтобы вызвать в моем мозгу соответствующие мысли? Этот вопрос — чем являются те мысли и чувства, которые я создаю в самом себе и других людях, все еще остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

И все же это именно тот самый вопрос, который является единственным фундаментальным вопросом главной идеи жизни.

Наука выбрала своим объектом некоторые проявления, сопровождающие жизнь, и, *принимая*² часть за целое, назвала эти проявления интегральным целым всей жизни...

Этот вопрос, неотделимый от идеи жизни, состоит не в том, *откуда* жизнь, но *почему человек должен* жить именно этой жизнью: и лишь начиная с этого вопроса, можно надеяться на приближение к решению проблемы бытия.

Ответ на вопрос, "почему мы должны жить?", выглядит для человека столь простым, что он едва ли посчитает его заслуживающим внимания, если коснется его.

...Следует жить наилучшим образом, насколько это возможно, — вот и все. Это кажется на первый взгляд очень простым и всем известным, но это совсем не столь просто и известно, как можно себе вообразить...

Идея жизни вначале предстает перед человеком как наиболее простое и самоочевидное дело. Однако как только человек начинает поиски этой жизни в любом месте так называемого тела, он сразу же встречается с непреодолимыми трудностями. Жизнь находится не в волосах и не в ногтях; не в ногах и не в руках, которые могут быть ампутированы; она не в крови, не в сердце и не в мозге. Она повсюду и она нигде. Дело обстоит так: жизнь не может быть найдена ни в одном из мест своего пребывания. Затем человек начинает искать жизнь во времени; и опять-таки, это выглядит сперва очень простым делом... И все же опять, он начнет свою погоню не раньше, чем поймет, что дело здесь снова обстоит намного сложнее, чем он полагал. Я *прожил* уже пятьдесят восемь лет, так утверждает церковная запись о моем крещении. Но я знаю, что из этих пятидесяти восьми лет я проспал свыше двадцати. Как же тогда? прожил ли я эти годы, или же нет? Отнимите те месяцы, когда моя мать была беременна мною, а также те, которые я провел на руках моей няньки, — не назовете ли вы и это время также жизнью? Опять-таки, об оставшихся тридцати восьми годах я знаю, что добрую их половину я проспал, переезжая с место на место; таким образом, я не могу больше сказать в этом случае, жил ли я в течение этого времени, или нет. Я мог жить немного, и расти немного. И снова человек обнаруживает, что во времени, как и в теле, жизнь есть повсюду, и все же нигде. И теперь естественно возникает вопрос: откуда же тогда эта жизнь, которую я не могу нигде обнаружить? Теперь — хочу я узнать... Но так уж случается, что и в этом направлении то, что казалось мне сперва столь легким, кажется сегодня невозможным. Несомненно, я занимался поисками чего-то другого, а не моей жизни. Таким образом, раз мы должны были искать, где находится жизнь, — если вообще должны были это делать, — тогда нам следовало вести эти поиски не в пространстве и не во времени, не как поиски некоей причины или следствия; нам следовало искать нечто распознаваемое внутри себя, совершенно отличное от пространства, времени и причинности.

Все, что остается нам в таком случае — это самопознание. Но как я распознаю жизнь в себе самом?

Вот как я познаю ее. Для начала я знаю о том, что живу; и что я живу, желая для себя всего, что хорошо, и хочу этого с тех пор, как я себя помню, и по сей день, и с утра до вечера. Все то, что живет вне меня самого, важно в моих глазах, но лишь в той степени, насколько оно способствует созданию того, что создает *мое* благосостояние. Вселенная важна на мой взгляд только потому, что она может принести *мне* удовлетворение.

Между тем, с этим моим знанием о моем существовании связано и кое-что еще. Я чувствую, что неотделимо от жизни и другое знание, тесно связанное с ней; а именно, что помимо меня самого, я окружен целым миром живых созданий, обладающих, как и я сам, тем же самым инстинктивным пониманием своих особенных жизней, и что все эти создания живут ради своих собственных целей, которые чужды мне; что эти создания не знают и не стремятся узнать ничего о моих претензиях на некую исключительную, особенную жизнь, и что все эти создания, чтобы достигнуть успеха в своих целях, готовы в любой момент уничтожить меня. Но это еще не все. Наблюдая умирание созданий, во всем похожих на меня, я также знаю, что и меня в том числе — это прекрасное МЕНЯ, единственное, в котором представлена жизнь — также ожидает скорое и неизбежное разрушение.

Все это выглядит так, как если бы в человеке было два "Я"; и они никогда не могли жить вместе в мире; как если бы они находились в вечной борьбе, и всегда пытались изгнать одно другое.

Одно "Я" говорит:

— Я одно живу, так как должно жить, все же остальное лишь кажется, что живет. Поэтому весь *raison d'être* [смысл] вселенной состоит в том, чтобы было удобнее жить этому Я.

Другое "Я" отвечает:

— Вселенная существует вовсе не ради тебя, но для своих собственных задач и целей, и она мало озабочена тем, чтобы знать, счастливо ли ты или нет.

Жизнь после этого омрачается!

Одно "Я" говорит:

— Я хочу лишь удовлетворения всех моих желаний и потребностей, и именно для этого мне нужна вселенная.

Другое "Я" отвечает:

— Все животные живут лишь ради удовлетворения своих желаний и потребностей. Эти желания и потребности животных удовлетворяются за счет других животных и с ущербом для них; отсюда и бесконечная борьба между животными видами. Ты — животное, и потому ты должно бороться. И все же, сколь бы ни преуспело ты в своей борьбе, остальные борющиеся создания рано или поздно одержат над тобой верх.

Становится хуже! жизнь наполняется кошмаром...

Но самое ужасное то, что одно "Я" говорит:

— Я хочу жить, жить всегда.

А другое "Я" на это отвечает:

— Вне всякого сомнения, ты можешь умереть через несколько минут, как умрут также и все те, кого ты любишь, ибо и ты, и они — все вы претерпеваете разрушение с каждым движением ваших жизней, приближая таким образом все ближе страдания, смерть, все то, что ты так ненавидишь и чего боишься больше, чем чего бы то ни было.

Хуже уже некуда...

Изменить такое состояние невозможно... Можно не двигаться, не спать, не есть, даже не дышать, но никто не может не думать. Я думаю, и эта мысль, моя мысль, отравляет жизнь мне, как некой личности, на каждом шагу.

Человек может начать сознательную жизнь не раньше, чем это сознание станет повторять ему непрестанно, без передышки, снова и снова, одну и ту же вещь.

— Жить той жизнью, которую я вижу и чувствую в своем прошлом, жизнью, которую ведут животные и многие люди, жить *таким* образом, благодаря которому ты стал тем, кто ты есть сейчас, — дальше невозможно. Если бы ты попытался сделать это, ты никогда бы не смог избежать борьбы со всем миром созданий, которые живут также, как и ты — ради своих личных целей; и в дальнейшем эти создания неизбежно убьют тебя...

И с этим ничего не поделаешь. Остается лишь одно, и это всегда приходится делать тому, кто, начиная жить, переносит свои цели вовне самого себя и стремится достигнуть их... Но сколь бы далеко не поместил он их от своей личности, как только его ум проясняется, никакая из этих целей не сможет его удовлетворить.

Бисмарк, объединивший Германию и ныне правящий в Европе (если в его уме есть хоть какое-то понимание последствий его деятельности), должен понимать — как понимает его личный повар, приготавливающий обед, который будет с аппетитом съеден в урочный час — то же самое неразрешенное противоречие между суетностью, тщеславием и глупостью всего того, что он сделал, и вечностью и разумностью того, что существует всегда. Если они лишь взглянут на это, оба они увидят это с одинаковой ясностью; во-первых, что сохранение в неприкосновенности обеда князя Бисмарка, так же как и могущественной Германии, происходит единственно по следующим причинам: первого — благодаря полиции, а второго — благодаря армии; и лишь до тех пор, пока над ними обоими сохраняется тщательный надзор. Потому что есть голодные люди, которые охотно съели бы этот обед, и народы, которые с радостью стали бы столь же могущественны, как Германия. Во-вторых, что ни обед князя Бисмарка, ни мощь Германской империи, не только не соответствуют целям и назначению универсальной жизни, но что они находятся в вопиющем противоречии с ними. И в-третьих, что как тот, кто варит обед, так и мощь Германии, очень скоро умрут, и что так же скоро исчезнут и обед, и Германия. И сохранится одна лишь вселенная, которая никогда не уделяла ни одной мысли ни обеду, ни Германии, и в наименьшей степени думала о тех, кто "сварил" их.

Как только интеллектуальное состояние человека возрастает, он приходит к идее о том, что никакое счастье, связанное с его индивидуальностью, не является достижением, но есть лишь необходимость. Индивидуальность — это лишь то начальное состояние, с которого начинается жизнь, и конечный предел жизни...

Меня могут спросить: где же тогда начинается жизнь, и где ее конец? Где кончается ночь, и где начинается день? Где на морском берегу кончаются владения моря, и где начинаются владения суши?

Есть день, и есть ночь; есть суша, и есть море; есть жизнь, и есть *отсутствие* жизни.

Наша жизнь, как только мы начинаем осознавать ее, — это подобное маятнику движение между двумя крайностями.

Одна крайность — это некое абсолютное безразличие к жизни бесконечной вселенной, энергия, направленная только на удовлетворение потребностей своей собственной индивидуальности.

Другая крайность — это полный отказ от этой индивидуальности, величайшая забота о жизни бесконечной вселенной, в полном согласии с ней, перенос всех наших желаний и доброй воли с себя самого на эту бесконечную вселенную и все создания, которые находятся вокруг нас.³

Чем ближе к первой крайности, тем меньше жизни и счастья, чем ближе ко второй — тем больше жизни и счастья. Поэтому человек все время движется от одной цели к другой, то есть, он живет. ЭТО ДВИЖЕНИЕ И ЕСТЬ САМА ЖИЗНЬ.

И когда я говорю о жизни, знайте, что представление о ней неразрывно связано в моей концепции с идеей *сознательной* жизни. Мне, как и любому другому человеку, неизвестна никакая иная жизнь, кроме сознательной.

Мы называем жизнью — жизнь животных, органическую жизнь. Но это вовсе не жизнь, а лишь определенное состояние или условие жизни, проявляющейся для нас.

Но что же такое это сознание или разум, необходимость которого исключает индивидуальность и переносит энергию человека вовне и в то состояние, которое считается нами блаженным состоянием любви?

Что такое сознательный разум? Чему бы не могли мы дать определение, мы должны определить это нашим сознательным разумом. Следовательно, чем же мы будем определять разум?..

Если мы должны давать определение всему нашим разумом, из этого следует, что сознательный разум не может быть определен. И все же все мы не только знаем его, но это единственное, что дано нам знать несомненно...

Это тот же самый закон, как закон жизни всего органического, животного и растительного мира, с той лишь разницей, что мы *видим* осуществление разумного закона в жизни растения. Но закона сознательного разума, которому мы подчиняемся, как и дерево подчинено своему закону, мы не *видим*, но исполняем его...

Мы определили, что жизнь — это то, чем наша собственная жизнь не является. Именно здесь глубоко зарыт корень ошибки. Вместо изучения той жизни, которую мы осознаем внутри себя, безусловно и несомненно, — поскольку мы не можем знать ни о чем больше, — чтобы обдумать ее, мы наблюдаем то, что лишено наиболее важного фактора и способности нашей жизни, а именно, разумного сознания. Поступая таким образом, мы ведем себя как человек, который пытается изучить предмет по той тени или отражению, которое он отбрасывает.

Если нам известно, что частицы вещества подчиняются во время своего преобразования деятельности организма, мы знаем об этом не потому, что мы наблюдали или изучали это, но просто потому, что мы обладаем неким сходным организмом, объединенным с нами, а именно, нашим животным организмом, который столь хорошо нам известен как материя нашей жизни; то есть, тот, именем которого мы называемся, чтобы работать и управлять, подчиняя его закону разума... Человек утрачивает веру в жизнь и переходит от этой жизни к другой, которая жизнью не является, не раньше, чем он станет несчастным и увидит смерть... Человек, который воспринимает жизнь такой, какой он находит ее в своем сознании, не знает ни страдания, ни смерти: ибо вся радость в жизни для него состоит в подчинении его животного начала закону разума, и сделать это не только в его власти, но это неизбежно происходит в нем. Мы знаем о смерти частиц в животном существе. Мы знаем о смерти животных и человека, как некоего животного; но нам неизвестно о смерти сознающего разума, и мы не можем ничего об этом знать *именно потому, что сознательный разум — это сама жизнь. А Жизнь никогда не будет Смертью...*

Животные ведут счастливую жизнь, не видя смерти и не зная о ней, и умирают, не осознавая этого. Почему же тогда человек получил дар видеть и знать ее, и почему смерть столь ужасна для него, что поистине мучает его душу, часто заставляя его покончить с собой из-за ужасного страха смерти? Почему так происходит? Потому что человек, который видит смерть, это больной человек, тот, кто нарушил закон своей жизни и более не ведет сознательного существования. Он сам стал животным, животным, которое к тому же нарушило закон жизни.

Жизнь человека — это стремление к счастью, и то, к чему он стремится, дается ему. Свет, возникший в душе человека, — это счастье и жизнь, и этот свет никогда не сможет стать тьмой, так как существует — истинно, для человека существует — лишь этот единственный свет, который горит в его душе."

Мы перевели [с русского на английский] этот достаточно обширный фрагмент из конспекта превосходной лекции графа Толстого, потому что его слова звучат как некое эхо самых тонких учений универсальной этики истинной теософии. Его определение жизни, — которой в абстрактном и конкретном смысле должен следовать каждый искренний теософ, в соответствии и в меру своих *естественных* способностей, — это краткое обобщение и альфа и омега практической психической, если не духовной, жизни. В лекции есть такие фразы, которые покажутся среднему теософу чересчур туманными и, быть может, несовершенными. Однако он не найдет в ней ни одного предложения, на которое мог бы возразить даже самый требовательный практический оккультист. Ее можно назвать трактатом по алхимии души. Ибо этот "единственный" свет в человеке, который горит вечно и никогда не сможет стать тьмой по своей внутренней, присущей ему природе, хотя "животная природа" вовне нас может оставаться слепой по отношению к нему, — это тот "свет", о котором были написаны обширные тома неоплатониками Александрийской школы, а после них, розенкрейцерами и, в особенности, алхимиками, хотя и по сей день подлинный смысл их писаний является глубокой тайной для большинства людей.

Это правда, граф Толстой — не александрийский, и не современный теософ; еще в меньшей степени он розенкрейцер или алхимик. Но то, что последние сокрыли под специфической фразеологией огненных философов, намеренно смешивая космические превращения с духовной алхимией, все это было перенесено великим русским мыслителем из царства метафизической жизни в область жизни практической. То, что Шеллинг определил бы как осознание тождественности субъекта и объекта во внутреннем эго человека, то, что соединяет и связывает последнее с универсальной душой, — то, что является лишь тождеством субъекта и объекта на высшем плане, или неведомым Божеством, — все это граф Толстой соединяет вместе, не покидая земного, материального плана. Он является одним из тех немногих *избранных*, которые начинают с интуиции и заканчивают почти всеведением. Развитие и проявление высшей САМОСТИ человека, которого достиг граф, — это трансмутация неблагородных металлов (*животного вещества*) в золото и серебро, или философский камень. *Алкахест* рядового алхимика — это *All-geist* [Дух всего], всепроникающий божественный дух высшего посвященного; ибо алхимия была и является, что известно сегодня лишь немногим, в такой же степени духовной философией, как и физической наукой. Тот, кто ничего не знает об одной из них, никогда не узнает многого о другой. Аристотель, поучая своего ученика, Александра, говорил о философском камне: "Это не камень. *Он был и есть везде, и в каждом человеке*, его называют *целью* всех философов", — как "Веданта" является *вершиной* всех философий.

Заканчивая данное эссе *о науке жизни*, можно сказать несколько слов о вечной загадке, которую предложила смертным Сфинкс. Потерпеть неудачу в разрешении проблемы, содержащейся в ней, это значит обречь себя на несомненную смерть, поскольку Сфинкс жизни пожирает недогадливого, который жил лишь в своем "животном теле". Тот, кто живет ради себя, и только ради *себя*, несомненно умрет, как об этом сообщает высшее "я" низшему "животному я" в данной лекции. Есть семь ключей к этой загадке, и граф открывает эту тайну одним из самых высоких. Ибо, как это прекрасно выразил сам автор, говоря о "герметической философии":

Подлинная тайна, наиболее близкая и в то же время крайне отдаленная от любого человека, *в которую он должен быть посвящен, или же исчезнуть как атеист, — это он сам.* Для него существует эликсир жизни, выпить который, перед открытием философского камня, значит испить напитка смерти, в то время как адепту и *эпонту* он дарует истинное бессмертие. Он может познать истину, какова она есть в действительности — *Алетейю*, дыхание Бога, или Жизни, сознательный разум в человеке.

Это и есть "всерастворяющий алкахест", и граф Толстой прекрасно справился с этой загадкой.

"Люцифер", ноябрь 1887 г.

---

1. Или жизнепорождение, жизнелияние, жизнеразделение, жизнеобновление и жизнеперенесение.

2. Ошибочно употреблять здесь слово "принимая". Люди науки слишком хорошо знают, что то, чему они учат в отношении жизни, является материалистической выдумкой, опровергаемой на каждом шагу логикой и фактами. В этом специфическом вопросе наукой злоупотребляют и заставляют ее служить личным пристрастиям и жесткой политике уничтожения любого духовного устремления и мысли в человечестве. Было бы более правильно сказать — *"притворяясь, что принимая"*.

3. Короче говоря, это как раз то, что для теософов означает "прожить *данную* жизнь".
